

Александр Ермак

Грюндерфилд

Москва, 2012

A.N.Publishing

Александр Ермак Грюндерфилд

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64104971*

Аннотация

Филипп возвращается домой. На его пути – невзрачный поселок, который оказывается жестокой ловушкой. Выбраться из нее очень непросто ...

Александр Ермак

Грюндерфилд

Филипп возвращался. Добрался на поезде из города до своей станции. Вышел к автобусной остановке. Покрутился на ней и понял, что последний автобус ушел буквально из-под носа. Нужно было или оставаться ночевать в гостиничке при станции, или идти пешком. Филипп решил пешком.

Он вышел за дома, прилепившиеся к станции, и остановился на развилке. Одна дорога уходила влево – дальняя автобусная, по ней часов двенадцать надо идти. По правой же тележной всего за четыре-пять можно дошагать. И Филипп повернул направо.

Не успел пройти и двух десятков метров, как его окликнули:

– Эй, ты куда?!

Филипп обернулся. На него с развилки смотрел какой-то старичок:

– Ты куда идешь? Заблудился что ли?

– Нет, не заблудился, – покачал головой Филипп. – Домой я возвращаюсь. Через Грюндерфилд.

Старичок тоже покачал головой:

– А я думал, заблудился. – Потом почесал затылок и добавил: – Давно с той стороны никто не появлялся. Может, и нет там уже никакого Грюндерфилда.

Филипп на это только пожал плечами и, развернувшись, снова зашагал. Как это нет Грюндерфилда? Был ведь. Всегда был. И Филипп его своими глазами видел. Только очень давно.

Сестренка тогда была совсем маленькой. Чтобы у матери было меньше хлопот, отец брал Филиппа с собой по делам и в соседние деревни, и сюда на станцию. И вот, как-то раз здесь они также упустили автобус и решили пойти пешком.

Филипп помнил, что они долго стояли на этой самой развилке, а потом отец вздохнул и решительно махнул рукой:

– Пойдем через Грюндерфилд.

И им тогда также смотрели в спину. Только не один человек был. Собралось у развилки несколько семейств, живущих в домах при станции. И все переглядывались, перешептывались:

– В Грюндерфилд идут... Через Грюндерфилд... За Грюндерфилд...

А Филиппу было жутко интересно. Грюндерфилд... Это странное словечко иногда произносилось в их деревне. Но всегда как-то неясно, как-то в сторону, как будто и не произносилось вовсе.

Пацаны расспрашивали друг друга, что же это такое – Грюндерфилд, но никто ничего толком не знал, потому что взрослые на вопрос о Грюндерфилде просто молчали или отмахивались:

– Подрастешь – узнаешь...

И вот они шли с отцом в этот самый Грюндерфилд. Через Грюндерфилд. За Грюндерфилд.

Сначала долго шагали вдоль самых обычных полей. Пшеница. Овес. Греча... Потом впереди показались обычные же дома. Как и у них в деревне. Рубленные. Со ставнями на окнах и с дощатыми крышами. Такие же серые от дождей и ветров.

Как только подошли к Грюндерфилду, отец крепко взял сына за руку. Филипп был не против, хотя уже и не считал себя маленьким, чтоб его так вели. Он не собирался отстать или сойти с дороги. Филипп смотрел по сторонам, но не было там ничего интересного среди этих домов. И никого не было. Ни одной души они не заметили, пройдя через весь Грюндерфилд. Ни взрослых на улице, ни детей. Ни даже собаки спящей или кошки облезлой.

И еще в Грюндерфилде было удивительно тихо. Не мычали коровы и не блеяли овцы. Не кудахтали куры и даже не чирикали воробьи. Как будто все живое покинуло этот поселок. Ушло, уехало по этой вот местами заросшей тележной дороге.

Филипп был очень разочарован. Дома уже остались за спиной, и он все оборачивался, выкручивал шею, чтобы приметить хоть что-нибудь, о чем можно было рассказать пацанам, чем можно было бы похвастать. Попытался даже замедлить шаг, но отец тут же начинал чуть ли не тащить его за собой.

– Мне больно, – пожаловался сын.

Но отец как будто не слышал и продолжал крепко сжимать детскую руку. Он отпустил Филиппа, лишь когда они ушли далеко за Грюндерфилд, когда миновали лесок и оказались на дальних полях своей деревни. Только тогда отец обернулся, и еще вздохнул, и, кажется, улыбнулся:

– Вот мы и дома.

А Филипп не улыбался. Он был разочарован Грюндерфилдом и еще у него с болью начала отходить онемевшая пережатая рука.

Мать встретила их на пороге дома:

– А я уже и не ждала вас сегодня. Автобус-то последний давно пришел. Как же вы добрались?

Отец замешкался, а Филипп гордо задрал голову:

– А мы пешком. Мы через Грюндерфилд.

Мать испуганно всплеснула руками. Засыпая, Филипп слышал, как она ругала отца. Но за что? Они ничего не сделали. С ними ничего не случилось. Они же так старались попасть домой пораньше...

На следующий день Филипп приставал с расспросами о Грюндерфилде и к отцу, и матери, но они на эту тему разговаривать не хотели:

– Иди лучше на улицу с ребятами поиграй.

Когда же Филипп пошел со двора, отец окликнул его и добавил:

– И вот что, сынок, о том, что мы были в Грюндерфилде,

ты бы лучше никому не рассказывал.

— Почему?! — возмутился Филипп, как раз собирающийся похвастать своей прогулкой перед пацанами, ни один из которых никогда не был в Грюндерфилде.

— По кочану, — ответил отец и недвусмысленно поправил ремень на брюках...

Конечно, Филипп проболтался деревенским друзьям. И конечно, они ему не поверили. Потому что Грюндерфилд не может быть самым обычным поселком с самыми обычными домами...

Взрослея, Филипп все реже вспоминал о Грюндерфилде. Ходил в деревенскую школу, с большим трудом осваивая мудреные знания. И бежал в свободное время в домашнюю столярную мастерскую. Да, у него не очень хорошо шли дела в школе, но зато ему передалось наследственное мастерство. Филипп с удовольствием строгал, пилил, вырезал. Сначала он делал только детали, которые отец потом использовал, выполняя заказы в своей и соседних деревнях. Окончив же школу, Филипп стал браться и за сложные работы, самостоятельно договаривался с заказчиками и все чаще работал без отца, в одиночку. Не только потому, что уже стал вполне самостоятельным мастером. Нет, он стал сторониться родителей после того самого случая со школьным вечером...

Филипп старался приходить домой как можно позже и покидать его как можно раньше. А в один из дней просто взял и собрал свой инструмент в чемоданчик, бросил за плечо ме-

шок с провиантом и одеждой, сунул в карман деньги и вышел к первому автобусу, идущему от деревни до станции. Там дождался поезда, на котором благополучно и прибыл в большой город.

На заполненных народом улицах впору было растеряться, но Филипп недолго искал работу. Его наняли в корабельные плотники.

Это было странно – заниматься деревянной работой на современном железном судне. Но спрос на такое ремесло действительно был. Круизный корабль, на котором оказался Филипп, имел много дерева – и на верхней палубе, и в коридорах, и в танцевальном зале, и в спортивном, и в ресторанах, в казино, а еще в каютах – особенно первого класса. Починка были иногда тонкой, сложной, но Филипп справлялся. И начальство чем дальше, тем большим уважением к нему проникалось.

Конечно, и корабль, и портовые города, в которые он заходил, это был совсем другой мир. Прежде Филипп ничего, кроме своей деревни и железнодорожной станции, собственными глазами не видел. А тут разом столько удивительного вокруг оказалось – горячая вода из-под крана в любом количестве в любое время суток, зеркала, бары, рестораны, бассейны, артисты, музыка, солидные красивые люди, диких животных и растения, непонятная речь, странные обычаи...

– Вот это и есть настоящая жизнь! – подмигивал Филиппу

сосед по каюте и он же – напарник по работе.

Херцог был горожанином, много чего уже повидавшим, но Филипп относился к нему снисходительно. С деревом напарник обращался не очень аккуратно. В свободное время вертелся у зеркала на двери каюты, укладывал волосы, завивал усики:

– У меня сегодня randevu с одной особой с верхней палубы...

Филипп знал всех его «особ» – официанток, прачек, гувернанток, которые также грезили о верхней палубе и легко верили уложенными волосам и завитым усикам. Херцог часто не ночевал в своей каюте.

Филипп только пару раз был в корабельном баре для обслуживающего персонала. Херцог, глядя на напарника, только удивлялся:

– Работаешь и работаешь. Как же ты без женской ласки обходишься?

Филипп пожимал плечами. Ему хватало коротких встреч с портовыми женщинами. Почти хватало... В очередном письме сестра обмолвилась, что соседка Лиза, уехавшая в город учиться, обещала своим родителям вернуться...

Да, сестра редко, но постоянно писала Филиппу. Сначала сообщила, что выходит замуж и звала на свадьбу, но он не поехал. Потом написала, что у нее родился сын – его племянник, а муж начал строить дом на соседней улице. Еще через несколько писем Филипп узнал, что дом достроен и сестра

перебралась в него от родителей уже с тремя мужчинами – родился еще один мальчик.

Сестра любила брата и все звала вернуться. Но сестре Филипп все-таки не очень нужен, у нее есть и муж, и уже двое детей. А отец с матерью... От них не было ни одного письма, хотя сестра исправно сообщала о их здоровье, о том, что они скучают по сыну. Но последнему Филипп не особенно верил. Вряд ли они его вообще вспоминают. Исчез вот Филипп из их жизни и ладно...

Вернувшись из очередного рейса и получив очередное письмо, Филипп узнал, что опоздал и на смерть отца, и на смерть матери. Они покинул мир с разницей в пару месяцев. Сестра подробно описала, как хоронили родителей, как были старушки и какие-то дальние родственники, как рыдали ее дети – племянники Филиппа и тихо плакала вернувшаяся из города в деревню соседка Лиза. Незамужняя Лиза.

Еще в том же письме сестра сообщала, что дом их родной стоит теперь пустой, хотя жить бы в нем да жить. Только сначала подремонтировать нужно, потому что последнее время отец был не в силе и не мог поддерживать все в полном порядке.

А Филиппу как раз нужно было собираться в новый рейс и кое-что из своих инструментов обновить. Дочитав письмо, он пошел по лавкам.

Заглянул в столярный магазин. Пошарив взглядом по сторонам, загляделся на странный набор инструментов. Все

вроде бы в нем было и самое обычное, но при этом и какое-то странное – маленькое, крохотное: молоточек, стамесочка, рубаночек...

Филипп усмехнулся и взял маленькую пилку в пальцы.

– Это ж для каких работ? – поинтересовался у продавца.

Тот отмахнулся:

– Это не для твоей руки, это детский набор. Родители иногда покупают своим отпрыскам, чтобы те полезному делу обучались. Ты ж, я вижу, серьезным инструментом интересуешься. Посмотри-ка вот эту пилу, особая сталь...

Филипп отодвинул детский инструмент в сторону, взял протянутую пилу, щелкнул по ней пальцем. Послушав звук, удовлетворенно кивнул.

Но Филипп не купил эту пилу. И не пошел в этот рейс. Всего за два дня до отхода корабля твердо заявил о своем решении уволиться.

Его не сразу поняли. Филипп никогда никого не подводил. Помощник капитана разводил руками:

– Что ж ты делаешь? Мы не успеем найти замену. Что случилось?

Филипп только вздыхал и жал плечами:

– Ничего. Ничего не случилось.

– Тогда почему уходишь. Почему срочно? Тебе нужно больше денег?

Но Филипп только продолжал вздыхать и жать плечами:

– Ничего. Ничего не случилось. Ничего не нужно...

Ему было очень неловко.

Получив полный расчет и закинув за спину мешок с вещами, Филипп крепко сжал в руке чемоданчик, в котором хранил личные инструменты. Он возвращался.

В этот раз Филиппу спешить было некуда. Никто не знает о его приезде. Какая разница, попадет он в деревню сегодня, завтра или послезавтра. И все-таки он не остался ночевать на станции, пошел пешком. Через Грюндерфилд.

Вокруг были все те же поля, как и тогда, когда они шли с отцом. Пшеница. Овес. Греча... Потом впереди показались все те же дома. Как у них в деревне. Рубленные. Со ставнями на окнах и дощатыми крышами. Такие же серые от дождей и ветров.

Филипп остановился на входе в поселок. Внимательно осмотрелся. Ничего, казалось бы, и не изменилось с тех пор, как они были здесь с отцом. И домов вроде бы столько же, и вид у них такой же. И трава вокруг них та же. И никого не видно на улице.

Странно, но Филиппу захотелось вдруг взять отца за руку. Но ничьей руки рядом не было. Да и зачем ему, уже взрослому, чья-то рука? Филипп пожал плечами и зашагал снова.

Вошел в поселок и сам себе кивнул. Да, все точно так же. Так же удивительно тихо в Грюндерфилде. Не мычат коровы и не блеют овцы. Не кудахчут куры и даже не чирикают воробьи. Как будто все живое покинуло этот поселок. Ушло,

уехало по вот этой вот так до конца и не заросшей тележной дороге.

Вертя шеей, Филипп пересек Грюндерфилд. Кроме домов, еще углядел сарай, сеновалы, загоны для скота. Здесь явно вели хозяйство. Вели? Ведут?

Ведут. Филипп почувствовал вдруг на себе взгляды. Да, он был уверен, что кто-то смотрит на него и из-за занавески в доме, и еще, кажется, из сарая. И тогда Филипп приветственно помахал рукой. Может быть из вежливости, а может быть зачем-то ободряя самого себя.

Никто однако не вышел и не помахал ему в ответ. Ни из-за занавески в доме, ни из сарая.

Когда поселок остался за спиной, Филипп почему-то облегчено вздохнул. А потом, глянув на солнце, улыбнулся. И снова глянул на солнце. Оно было в зените. Хотя должно было быть уже почти на закате...

Филипп шел, не оборачиваясь, все удаляясь и удаляясь от домов, смотрящих ему меж лопаток. Дорога медленно поворачивала. На обочине становилось все больше кустов, скрывающих волнующиеся просторы полей. И дальше, Филипп помнил, должен быть еще один, но уже совсем резкий поворот, а прямо за ним начинается небольшой лес, из которого дорога вынырнет потом на другие поля – на дальние поля его деревни. А там до дома рукой подать.

Филипп приободрился и прибавил шагу, и тут же заметил, что все вдруг стало меняться. На солнце надвинулось облако,

превратившееся постепенно в тучу. Вокруг начало быстро темнеть.

По кустам пробежал ветерок и Филипп услышал странный шорох. Как будто этот ветерок шевелил не листву и тонкие ветви кустов, а семенил вдоль них со стороны поля по земле.

Филипп глянул на небо, на кусты, отчего-то поежился и пошел еще быстрее. И тут же в кустах раздался треск. Это был уже не ветерок. Это что-то крупное продиралось через ветви и корни, ломая, раздирая их. Оно приближалось. Вот сейчас, вот еще немного и выскочит на дорогу.

По телу Филиппа пробежали мурашки. Ему захотелось рвануть вперед по дороге и бежать, бежать по ней прочь из всех сил. Но Филипп этого не сделал. Ограниченное пространство корабля отучило его убегать. Он привык все решать на месте.

Филипп быстро поставил свой чемоданчик с инструментами на землю, раскрыл его, достал острую длинную стамеску – такой можно и до волчьего, и до кабаньего сердца добраться. А крупнее зверя в их краях никогда не водилось.

В кустах же тем временем все стихло. Как будто зверь затаился или вовсе тихонечко сдал назад и убежал обратно в поле.

Филипп выждал немного. Вокруг было совершенно тихо, только все также сумеречно. Солнце по-прежнему томилось в плену у тучи.

Подобрав с дороги камень, Филипп швырнул его в то ме-

сто, из которого ранее доносились звуки приближавшегося зверя. Камень пролетел сквозь листву и ветви, глухо упал на землю, никого не встревожив, не спугнув.

Филипп вздохнул полной грудью и убрал стамеску обратно в чемоданчик. Посмотрел на небо и снова зашагал по дороге. И тут же по кустам как будто бы опять ветерок пробежал. Но Филипп не обратил на него внимания. И тогда в кустах знакомо затрещало – кто-то явно хотел выбраться на дорогу.

Стамеска вновь удобно улеглась в руку. И вновь остановившийся Филипп ждал напрасно. На дорогу так никто и не выскочил. Треск, шум в кустах стихли.

Филипп больше не стал убирать стамеску. Стискивая ее в правой руке, взял чемоданчик левой. И снова зашагал. И снова ветерок по кустам. Но Филипп не сбавлял хода. А в небе стало темнеть еще сильнее. Чернота сгущалась как перед грозой. И воздух похолодел. И зверь опять обнаружил себя. Нет, он так и не выскочил на дорогу. Теперь он просто сопровождал Филиппа, семена по другую сторону кустов. Его шаг был явственно различим. И было непонятно, почему зверь не нападает? Ждет подходящего момента?

Чем ближе они подходили к повороту, тем явнее невидимый зверь обнаруживал и себя, и свою силу, с хрустом кроша перегораживающие его путь ветви.

Но был ли это зверь? Конечно, существо, которое так ломилось через кусты и сейчас семенило рядом, было живое.

Но теперь оно еще и начало издавать звуки. Странные звуки. Поначалу это был как бы вой. Но чем дальше, тем больше он перерастал в необычное для этого места и времени звуковое вибрирование. Так визжит дерево, когда в него на огромной скорости впиваются зубья циркулярной пилы. Металл с напряжением входит в толстую доску, в бревно, плачет и стонет, добираясь до сердцевины, а потом облегченно стихает и умолкает, когда перепиленное пополам падает на землю:

– Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-о-у-у!

И потом все снова повторяется:

– Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-о-у-у!..

Филиппу было не привыкать к этим звукам. Он поглубже вдохнул, по привычке ожидая, что сейчас в нос ударит особенный запах одновременно и свежего, и опаленного металлом дерева. Но пахло не то псиной, не то старым, пролежавшим несколько зим в сарае тулупом. Филипп поморщился и сплюнул.

Он продолжал быстро шагать, все приближаясь и приближаясь к повороту. А по кустам пошел гулять уже не ветерок, а настоящий ветер. Сначала он срывал и бросал на землю крепкие зеленые листья, а потом вдруг выскочил на дорогу, швырнул вверх пригорошни пыли, смешанной с травой, ударил Филиппа в грудь. Но тот устоял. И смог сделать еще шаг вперед. И еще.

Тогда ветер закрутился вокруг, как будто пытаясь схватить Филиппа, оторвать его от земли и унести за кусты. А

невидимая пила продолжала визжать и выть. И этот визг-вой становился все яростнее и яростнее. Распалив себя, нечто как будто впилося уже и не в податливое дерево, а в твердый металл. Звук стал намного жестче:

– Дз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-о-у-у!... Дз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-о-у-у!...

И как будто не в один голос. И сразу из нескольких мест.

У Филиппа по телу снова пошли мурашки. Он остановился. И тут же стих визг-вой. Но затем раздался хруст. Такой громкий, отчетливый, как будто чьи-то огромные челюсти перекусывают хребет коровы, дробят ее череп, перемалывают ребра.

Филипп часто дышал, ему вдруг стало не хватать воздуха, хотя ветер все так же продолжал толкать его в грудь, бить в уши, в рот, в нос.

Еще несколько шагов по инерции, и Филипп остановился. Перед самым поворотом. То, что впереди поворот, Филипп больше почувствовал, чем понял. Было уже совсем темно. А за поворотом, за поворотом... Без сомнения его там ждали. Да, уже не сбоку, а именно оттуда, из-за поворота, несло на несколько голосов предвкушавшее, пускающее слюну мягкое:

– Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-о-у-у!..

И нетерпеливое, яростное:

– Дз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-о-у-у!..

Да, Филипп не выдержал, остановился. Продолжая сжимать в руке стамеску, тыльной стороной ладони вытер испа-

рину на лбу. Потом развернулся и пошел обратно. В Грюндерфилд.

Шел, оборачиваясь, остерегаясь, что кто-то может броситься ему на спину. И удивляясь. С каждым шагом становилось все светлее и светлее. Как будто пленку в кино пустили обратно. Туча превратилось в облако. Облако освободило солнце.

Когда Филипп увидел дома поселка, никакой ветерок уже не беспокоил ни кусты, ни пыль на дороге. И солнце по-прежнему стояло в зените.

Снова спрятав стамеску в чемоданчик, Филипп быстро прошел через Грюндерфилд. В этот раз он не смотрел ни на дома, ни на сараи. Он и думать не хотел о том, смотрит ли на него кто-нибудь из обитателей поселка. Стремился как можно быстрее покинуть это место и вернуться на станцию, в гостиничку, броситься там на кровать и зажать руками уши, в которых по-прежнему звучал невыносимый визг-вой.

Он не сразу понял, что это ему не кажется, что он это слышит. Да, пока проходил через Грюндерфилд, было светло и тихо. Но как только Филипп оставил поселок за спиной, то снова стемнело и нечто снова догнало его, затянуло жуткую песню:

– Дж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-о-у-у!.. Дз-з-з-з-з-з-з-з-о-у-у!..

Теперь впереди до самой станции не было крутых поворотов. Но Филипп увидел другое – ветер свернулся в клубок смерча и, вращая траву, камни, величиной с голову, спо-

койно стоял точно посредине дороги, преграждая ему путь к станции.

Филиппа вынуждали свернуть в поле. Войти в глубокую по грудь пшеницу. Но там он окажется не один. Кто-то или что-то, перемещаясь в пшенице, раздвигало стебли и колося. Сразу в нескольких местах. И именно из этих мест доносился жуткий визг-вой.

Смерч качнулся и как будто сделал шаг навстречу Филиппу. Потом стал заходить слева. Но передумал и перешел на правую сторону дороги. И еще приблизился. И то, что было в пшенице, также стало ближе и громче.

Филипп бросился обратно в Грюндерфилд. Он ожидал, что через несколько секунд снова все стихнет, что совсем скоро просветлеет небо. Но смерч не отставал, мчался за Филиппом по пятам, а солнце все не выскальзывало и не выскальзывало из туч. Вместо горячих лучей, сверху пролились холодные капли дождя. Крупные. Частые. И потекли по лицу Филиппа то ли они, то ли слезы отчаяния.

Он бежал по дороге, наступая то на островки травы, то на лужи. Филипп чувствовал, что становится мокрым. Бег не согревал. Филиппа била холодная дрожь.

Вбежав в поселок, он, не разбирая, кинулся к одному из домов. Дверь была заперта. Филипп постучал. Еще. Еще. Еще. И еще.

Никто не откликнулся, не отозвался. Никто не открыл, не впустил внутрь.

Тогда Филипп бросился к другому виднеющемуся в темноте силуэту. Это оказался не дом. Какой-то большой сарай. Незапертые ворота.

Филипп вошел внутрь. Там было сухо. Под ногами мягко. Уставший Филипп медленно опустился на эту мягкость. Ощупав ее, понял, что сидит на сене.

Дрожа, но не снимая с себя мокрую одежду, зарылся поглубже в мягкое, сухое, теплое. И потихоньку стал согреваться, согреваться, согреваться...

Пахло домом. Где-то мычала корова. Совсем рядом кудахтала курица. Филипп улыбнулся и вздохнул. Нужно было вставать, завтракать, собираться и идти в школу. Или на работу?

Задавшись этим вопросом, он беспокойно открыл глаза и тут же закрыл снова. В них ударил луч солнца. Ослепил.

Тогда Филипп немного повернул голову и попробовал открыть глаза еще раз. И снова вздохнул. На него сверху смотрел не белый потолок родительского дома, и не слоновый подволоок каюты. Серая дощатая крыша. Это через дыру в ней пробивался солнечный луч и падал теперь куда-то на шею.

Филипп лежал в сене. В высохшей за ночь на теле одежде. Без башмаков, которые стояли у приоткрытых ворот. И это было странно. Он вроде бы и не стягивал вчера с себя мокрую обувь. От усталости заснул, в чем был. Вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.